

«Ты никогда не наблюдал за мной, никогда не возлагал на меня надежд, в чем ты мог разочароваться? Да, я признаю, Аршавин гениальный полководец, он лучше меня, я никогда не посягал на место этого бастарда Домингеса, даже Танаше ты доверяешь больше меня, ладно, люди говорят, она мудра и образованна, пусть; но ведь даже король этого крошечного Шамбора Александр, этот невоспитанный варвар, даже он лучше меня? Почему? Конечно, я не стал терпеть, ха-ха-ха, ты же сам сказал, что больше ничего мне не доверишь? Хватит с меня, лучше уж я помогу Барселоне и стану править Zenitom, буду повелевать всем на этом куске земли, буду здесь один владыка, ха-ха-ха...»

Четвертый принц совсем утратил контроль над собой.

Его глаза покраснели, он смеялся, как умалишенный.

Боль в глаза Ясина сменилась сожалением, он вздохнул.

«Что? Теперь жалеешь? Ха-ха-ха, поздно, отец-император, это твоя несправедливость, твоя бесчувственность, твоя предвзятость привели к этому, ха-ха-ха...» - истерично смеялся Кристал.

«Я жалею только, что раньше не прирезал тебя, как свинью.»

Ясин холодно продолжил: «В твоих глазах видно зло, поглотившее тебя. Я никогда не предпочитал ни одного из вас, братьев. Ты не наделен талантами, так что я давал тебе поручения, надеясь, что ты восполнишь недостаток таланта усердием. На южных границах ты свел в могилу сто тысяч отборных солдат империи, я не наказал тебя, когда ты создал в столице свою шайку, я не наказал тебя, ты много ошибался, но я все равно доверил тебе оборону западных ворот города, надеясь, что ты обретешь боевые заслуги, и когда я передам свой трон наследнику, ты сможешь прожить благополучную жизнь, богатый и уважаемый... Ты же только и думал, что о своей корысти, гнался за дутой славой, ты не достоин быть ни принцем, ни аристократом, даже из штаба на тебя жаловались, солдаты возмущаются, я понизил тебя до обычного аристократа, чтобы уберечь тебя... Ты же не увидел моей заботы, ты только и знаешь, что ненависть и обиду, да еще алчность. Если бы я знал, я бы не попустительствовал тебе из любви, а теперь мне стыдно перед лицом моего народа.»

«Ложь, это ложь, ты обманываешь меня!» - Кристала ужалил холодный взгляд Ясина; человек, к которому он испытывал и любовь, и страх, и ненависть, прежде смотревший на него с родственными чувствами, теперь смотрел на него с гневом и презрением.

Это разъярило четвертого принца.

«Ха-ха-ха, зачем так много говорить? Знаешь, как была разрушена магическая башня? Ха-ха, я лично провел солдат Барселоны и Эйндоховена в башню, легко провел их через охрану, обманув караул, потом мы незаметно перебили солдат и магов в башне, ха-ха, чем сложнее магический круг, тем аккуратнее надо быть, надо признать, этот шамборский щит довольно сложен, но мне и не надо было его убирать или менять, только подправить контур, чтобы сломать, ну что, отец, как думаешь, кто это?»

Сказав это, он махнул рукой, и эйндоховенка вытащила вперед кровавое тело.

Бац!

Бьющееся в конвульсиях кровавое туловище без конечностей шлепнулось на землю, поддерживаемое магией, которая не давала человеку умереть от кровопотери или от боли. На израненном теле не было живого места, но по красной бороде окружающие с ужасом узнали в нем бывшего главу департамента безопасности [Краснобородого] Гранеро.

«У-у-у...»

Гранеро из последних сил поднял голову, и увидев Ясина, замычал, заплакав, язык его тоже был вырезан...

Ясин узнал Гранеро, и его лицо потемнело от горя, которое быстро сменилось нескрываемым гневом, он взмахнул рукой, и золотой клинок понесся к Кристалу.

Даже раненый, он все-таки был полубогом, и лентяй Кристал, бывший лишь магом в звездном ранге, ничего не мог бы сделать, он только испуганно пискнул, побледнев.

Звяк!

Все еще улыбающийся Лионель Месси взмахнул рукой, и невидимая сила остановила клинок, и он, как ни в чем ни бывало, сказал: «Императору Ясину незачем так сердиться, принц Кристал исключительно талантлив, он правильно уловил тенденции, и за это я поставлю его новым императором Зенита вместо тебя, конечно, ты не можешь убить его.»

Ясин побледнел.

Из-за этой атаки его кровотечение из ран усилилось.

Он слишком форсировал развитие силы веры в своем теле, что привело к неизлечимым ранам в его теле, да еще битва с Месси опустошила его, теперь он был как лампа, из которой вытекло масло, он был жив до сих пор только благодаря огромной силе полубога.

«Эстебан, прости меня.» - обратился император к Гранеро.

«М-м-м, мм-ммм...» - кровь лилась изо рта Гранеро, но его лицо выдавало, что тяжелые раны императора мучают его куда больше собственных.

«Это ты сделал?» - спросил Ясин Кристала.

«Верно, этот пес перешел мне дорогу, если бы он не остановил меня, разве бы у меня отобрали командование армией? Он как раз вломился в башню, хотел убить меня, хе-хе, мы его скрутили, отрезали конечности и вырвали язык, чтобы не бранился, но я не хочу, чтобы он умирал, пусть помучается, ха-ха-ха!»

Кристал разразился безумным смехом.

Ясин с горестным выражением закрыл глаза, затем вдруг открыл и одной вспышкой отсек себе руку по плечо, золотая кровь хлынула из раны, и император обратился к небу: «Небеса и боги, будьте свидетелями, что я, Андрей Ясин, отсекаю себе руку, чтобы своей кровью подтвердить, что я изгоняю Кристала Ясина из императорской семьи, теперь между нами нет кровного родства.»